

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

Гоголь сегодня

«...Долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, с своими проникающими словами: «оставьте меня, зачем вы меня обижаете» — и в этих проникающих словах звенели другие слова: «я брат твой». И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной образованной светскости, и, боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным».

При этих «проникающих словах» гоголевской «Шинели» в зале устанавливается тишина глубокого понимания, сочувствия смыслу сказанного.

Гениальное художественное слово Гоголя в чтении Сергея Балашова звучит живым обращением прошлого к современности. Советский артист раскрыл слушателям гуманизм Гоголя, потрясенного судьбой «маленького человека», никем не защищенного от своих обидчиков — сильных мира сего.

Гоголевский текст столь изумителен, что перед исполнителем есть опасность «переборщить», нажимая на его выразительности. Сергей Балашов, за редкими исключениями, в передаче особо выигрышных мест, я бы сказал, «дикторски сдержан». Зато там, где исполнитель-художник небольшими замедлениями — паузами, легкими запинаниями, мимолетными жестами — обнажает саркастический подтекст Гоголя, эффект получается чрезвычайный. Вот фраза, бичующая всевластие канцелярии, равнодушие к человеку, — и Балашов какими-то непостижимо некоординированными движениями обеих рук и пальцев делает наглядным действие бюрократической машины. Безнадежно положение бедного Акакия Акакиевича, которому советуют обратиться по поводу разыскания шинели «к одному значительному лицу, что значительное лицо, спишась и снесясь, с кем следует, может заставить успешнее идти дело». «Спишась и снесясь!» —

жест, поясняющий трагикомический смысл этих деспричастий, как нельзя более уместен.

Бесконечно далеко от нас канцелярски-бюрократическое чудовище царского режима, которое разил своим словом Гоголь, стремясь защитить от него никем не защищенного человека. И разве одно только воспоминание о прошлом вызывает насмешливое оживление зала, когда Сергей Балашов несколько сухим, полуофициальным тоном сообщает о том, что «одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем, место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими еще значительнейшими. Но всегда найдется такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное».

Приближается конец повести, который сам Гоголь считал фантастическим. Возмездие чудилось душе великого человеколюбца в странной развязке истории бедного чиновника — бессильное возмездие, призывавшее себе на помощь веру в призраки из потустороннего мира. Читая то место повести, где говорится об ужасе значительного лица, ухваченного весьма крепко за воротник мертвецом, — С. Балашов закрывает себе лицо рукой. Этот жест как бы отменяет реальность значительного лица и делает реальным то, чего он не хочет видеть: призрак. Романтический колорит развязки не пропадает, но смысл произведения, бичующего «свирепую грубость в утонченной образованной светскости», с необыкновенной силой раскрывается нам в самом важном значении для настоящего: возмездия.

Великое классическое наследие живет и, как все живое, развивается, продолжается в настоящем. Удача Сергея Балашова в том, что его исполнение произведения о прошлом проникнуто духом служения современности.

В. ПЕРЦОВ

